DOI 10.15826/izv1.2021.27.4.076

Л. А. Трахтенберг

УДК 821.161.1'04 + 821.133.1'04 + 81'25 + 82-192

БАСНИ Н. В. ЛЕОНТЬЕВА НА СЮЖЕТЫ Ж. ЛАФОНТЕНА

Н. В. Леонтьев — замеченный современниками, но впоследствии забытый баснописец XVIII в. В статье показано, что семь его басен восходят к образцам Лафонтена. Модели рецепции различны. В одних случаях Леонтьев воспроизводит сюжет и образный ряд источника, в других — существенно их меняет. Мораль оригинала, как правило, сохраняется, но иногда Леонтьев вносит в нее изменения, в которых можно проследить идеологическую тенденцию. Особый интерес представляет басня «Три царя». В ней использованы мотивы басни Лафонтена «Les Grenouilles qui demandent un Roi» («Лягушки, просящие царя»), однако сюжет трансформирован, а идея противоположна той, что выражена в образце: на смену пессимизму французского поэта приходит оптимистическая вера в реальность совершенного общественного устройства.

К л ю ч е в ы е с л о в а: русская литература XVIII в.; русско-французские литературные связи; перевод; подражание

Николай Васильевич Леонтьев (1739–1824) — забытый сегодня поэт екатерининской эпохи. Первое его произведение, обратившее на себя внимание, выходит в 1762 г.: это торжественная ода, посвященная восшествию Екатерины II на престол. Четырьмя годами позже, в 1766 г., Леонтьев выпускает сборник басен. Эту книгу современники оценивают в целом высоко, о чем свидетельствует ее упоминание в «Известии о некоторых русских писателях», опубликованном в 1768 г. в лейпцигском журнале «Neue Bibliothek der schönen Wissenschaften und der freien Künste» («Новая библиотека изящных наук и свободных художеств») [Немецкое известие..., с. 21], и в «Опыте исторического словаря о российских писателях» Н. И. Новикова [Новиков, с. 116]. В дальнейшем Леонтьев пишет торжественные оды, участвует в работе Российской академии над словарем. Хотя свою последнюю оду он пишет в 1823 г., ранний сборник басен остается самым заметным его произведением [Степанов, с. 205–207].

Сегодня нет исследований, посвященных книге басен Леонтьева. Между тем она заслуживает внимания как образец жанра, в 1760-х гг. переживавшего расцвет [Серман, с. 217–225]. Особый интерес басни Леонтьева представляют благодаря разработке в них актуальной для эпохи Екатерины II социальной проблематики (об этом см. ниже).

Басни Ж. Лафонтена в XVIII в. считаются образцами жанра во всей Европе, в том числе и в России. Его авторитет утверждает, в частности, А. П. Сумароков в «Эпистоле о стихотворстве» [Сумароков, с. 122]. Сам Сумароков пишет ряд басен на лафонтеновские сюжеты (см.: [Заусцинский]). Разумеется, подражают

ТРАХТЕНБЕРГ Лев Аркадьевич — доктор филологических наук, доцент кафедры истории русской литературы Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (e-mail: Lev_A_T@inbox.ru). ORCID: 0000-0002-4345-0955

© Трахтенберг Л. А., 2021

Лафонтену и другие русские поэты. Творчество Леонтьева не составляет исключения. Поскольку ранее оно специально не изучалось, круг восходящих к басням Лафонтена сюжетов в сборнике Леонтьева не был определен. В статье рассматриваются все басни Леонтьева, где удалось обнаружить существенное сюжетное сходство с образцами Лафонтена.

Статус подражания в XVIII в. был значительно выше, чем сейчас. Подражать образцу — значит соревноваться с ним, бросать ему вызов [Николаев; Песков, с. 7]. В жанре басни пример такого подражания подает сам Лафонтен, заимствуя традиционные сюжеты, прежде всего эзоповские. Поэтому формы рецепции классических образцов различны. Это не только перевод, но и переработка, переосмысление, нередко — творческий спор с источником.

На примере басен Леонтьева можно наблюдать разные формы литературного диалога с образцом. Основная задача работы — изучить модели рецепции сюжетов Лафонтена в творчестве Леонтьева.

Наиболее простой случай — в целом точное воспроизведение образца с сохранением основных компонентов художественной структуры текста: образного ряда, сюжета, морали.

Примером точного следования оригиналу может служить басня Леонтьева **«Мужик и его дети»** [Леонтьев, с. 55–56, **35**]¹. Она представляет собой перевод басни Лафонтена «Земледелец и его дети» («Le Laboureur et ses enfants» [La Fontaine, p. 123, **V, 9**]) на эзоповский сюжет [Perry, p. 428–429, **42**]. Басня рассказывает о крестьянине, который, умирая, завещает сыновьям не продавать свою землю, а копать ее, так как там они найдут сокровище; где именно оно спрятано, он будто бы забыл. Сыновья прилежно вскапывают весь участок; клада нет, но обработанная земля дает богатый урожай. Тогда они понимают смысл совета: сокровище — это труд, и он приносит плоды.

Текст передается по-русски без существенных изменений. У Леонтьева нет аналога подробному описанию труда, которое Лафонтен дает с помощью синонимического ряда: «Creusez, fouillez, bêchez, ne laissez nulle place / Où la main ne passe et repasse» («Копайте, углубляйте, ройте, не оставляйте ни одного места, где бы снова и снова не прошла ваша рука»). Зато русский баснописец подчеркивает послушание сыновей: «Приказ сей дети все старались исполнять / И чтились сохой всю землю ту взрывать» [Леонтьев, с. 56] — у Лафонтена акцента на этом качестве нет. *Соха*, конечно, культурно-специфическая реалия: во французском тексте орудие труда остается неназванным. Единственное значимое в композиционном отношении отличие русского текста от французского состоит в том, что если у Лафонтена в этой басне две морали — в начале и в конце, то Леонтьев первую из них опускает. Смысл басни не меняется.

Образцом басни **«Осел и лошадь»** [Там же, с. 57–58, **37**] служит одноименная басня Лафонтена («Le Cheval et l'Âne» [La Fontaine, p. 144–145, **VI, 16**]) на сюжет

¹ В сборниках басен XVII–XIX вв. тексты обычно пронумерованы; к этому приему прибегают и Лафонтен, и Леонтьев, и Крылов. Далее при ссылках на басни их номера выделяются полужирным шрифтом. В ссылках на басни Лафонтена и Крылова римская цифра обозначает книгу, арабская — басню. Также полужирным шрифтом даются номера басенных сюжетов по указателю Б. Э. Перри.

Эзопа [Perry, p. 456, **181**]. Осел несет тяжелую поклажу, а лошадь идет налегке. Осел просит лошадь разделить с ним бремя, но она отказывается. Обессиленный осел падает замертво, и тогда на лошадь взваливают не только его груз, но и его шкуру. Басня учит взаимопомощи.

В басне Леонтьева речь осла, обращенная к лошади, больше, чем у Лафонтена, и создает иное впечатление. У французского баснописца осел убеждает лошадь, что груз не будет для нее тяжел: «Moitié de ce fardeau ne vous sera que jeu» («Половина этой ноши для вас не более чем игрушка») [La Fontaine, p. 145]. В русской басне он лишь просит о милости:

Лишаясь силы, он лошадку стал просить:
Ты видишь, ей сказал, нет мочи мне иттить;
Пожалуй, раздели сей тяжкий груз со мною;
Хоть мало помоги своею мне спиною;
Ей, ей, мне без того до места не добрость,
Приходит смерть ко мне. Нет мочи бремя несть.

[Леонтьев, с. 57]

Мораль перенесена из начала текста в конец; смысл ее у Леонтьева тот же, что у Лафонтена.

Басня Леонтьева **«Лев, предпринимающий войну»** [Там же, с. 52–53, **33**] — перевод басни Лафонтена «Le Lion s'en allant en guerre» [La Fontaine, p. 129–130, **V, 19**], сюжет которой восходит к Абстемию [Lévêque, p. 430; Rolland, p. 61]. Сюжетную часть Леонтьев передает точно, но в морали смещает акценты. В этой басне лев, собираясь на войну, определяет каждому зверю соответствующую его способностям службу. Льву советуют не брать с собой осла, так как он глуп, и зайца, так как он труслив. Но лев отвечает, что и без них нельзя обойтись: заяц будет курьером, а осел — трубачом.

В сюжетной части отличие русской басни от французского образца проявляется лишь в незначительных деталях. У Лафонтена лев собирает военный совет, у Леонтьева — велит «во все места указы разослать» [Леонтьев, с. 52]. У Лафонтена зайцы подвержены панике, у Леонтьева — «бояться / Пустого завсегда» [Там же, с. 53].

Мораль и во французской, и в русской басне обращена одновременно к монарху и к подданным. Правителю Леонтьев дает тот же совет, что и Лафонтен:

Премудрый государь ничто не упускает,
Он с пользою худых и добрых помещает.

[Там же]

Но советы подданным разные. Лафонтен говорит: «Для разумных людей нет ничего бесполезного» («Il n'est rien d'inutile aux personnes de sens» [La Fontaine, p. 130]). Леонтьев же учит: «Есть места на свете людям всем» [Леонтьев, с. 53]. Лафонтен уподобляет подданного мудрому правителю, обращаясь к ним с одним и тем же советом, который можно применить не только к общественной жизни: не пренебрегать ничем, что может принести пользу. Леонтьев же интерпретирует

мораль этой басни исключительно в социальном смысле; для царя и подданного у него советы разные. В его трактовке басня утверждает социальную иерархию. Можно заметить, что совет всем читателям у Лафонтена помещен после совета монарху — в последней строке басни, т. е. в наиболее сильном месте текста. У Леонтьева два совета меняются местами, текст завершает обращение к царю. Тем самым подчеркивается, что основное содержание басни составляет апология мудрости монарха.

Дальше от оригинала отстоит басня **«Звери в моровой язве»** [Леонтьев, с. 59–61, **39**]. В основном точно следуя образцу, Леонтьев вносит небольшие по объему, но концептуально значительные изменения, которые сказываются на общем смысле текста.

Источник сюжета — басня Лафонтена «*Les Animaux malades de la peste*» [La Fontaine, p. 157–158, **VII, 1**], в свою очередь, восходящая к «Первой книге эмблем» Г. Геру (1540) [Grove, 2000, p. 113–117; 2005, p. 28]. Сегодня в России этот сюжет наиболее известен по басне И. А. Крылова «Мор зверей» [Крылов, с. 41–44, **II, 4**]. Животных настигает чума. Лев созывает совет и предлагает принести кого-нибудь в жертву, чтобы искупить грехи, за которые наслан мор. Погибнуть должен тот, кто больше всех виноват, и поэтому каждый должен перед всеми исповедаться в своих грехах. Лев рассказывает, что убивал овец и даже пастухов, но лисица произносит льстивую речь в его оправдание. Оправдаться удастся всем сильным и хитрым; жертвой становится осел, покаявшийся в том, что в голодное время съел немного чужой травы. Басня показывает, что страдает слабый, пусть он и прав; сильный, даже если виноват, может избежать наказания.

Русский текст в большинстве случаев точно передает французский не только в подробностях, но даже в синтаксисе. Так, вслед за Лафонтеном Леонтьев прибегает к парентезе для обозначения поразившей животных болезни: «*La peste (puisqu'il faut l'appeler par son nom)*» [La Fontaine, p. 157] — «Болезнь, ужасный мор (такое имя ей)» [Леонтьев, с. 59]. В речи лисицы воспроизводится эмфатический повтор отрицания: «*Eh bien! manger moutons, canaille, sotté espèce, / Est-ce un péché? Non, non*» [La Fontaine, p. 158] — «Возможно ль, государь, то в грех тебе вменять, / Когда барана ты изволишь растерзать, / Столь гнусную, ах, тварь! нет, нет» [Леонтьев, с. 60].

Изменения затрагивают, однако, наиболее важную часть басни — ту, где речь идет о пороках влиятельных людей и о несправедливом суде. С одной стороны, характеристику пороков в основной части текста Леонтьев расширяет, прибегая к стилистическим средствам сатиры:

Потом жестокий тигр грехи свои сказал;
Но правды глас тогда пред сильными молчал.
Их страшные дела лесь гнусная скрывала,
Обиды, грабежи в добро преобращала.
Из малых же зверков мог всяк тот быть святой,
Который знал нырять и знал приказный бой.

[Там же, с. 61]

Соответствующий фрагмент у Лафонтена короче:

Du tigre, ni de l'ours, ni des autres puissances,
Les moins pardonnables offenses.
Tous les gens querelleurs, jusqu'aux simples mâtins,
Au dire de chacun étaient de petits saints.

[La Fontaine, p. 158]

Как видно из сравнения, пейоративные эпитеты с наиболее яркой эмоциональной окраской русский баснописец добавляет от себя.

Далее, однако, Леонтьев удаляет важный фрагмент и меняет мораль. У Лафонтена волк произносит речь, доказывая, что осел достоин смерти; у Леонтьева соответствующего места нет. Мораль оригинала: «*Selon que vous serez puissant ou misérable, / Les jugements de cour vous rendront blanc ou noir*» [Ibid.] — направляет басню против судебных злоупотреблений. У Леонтьева же мораль носит абстрактный характер: «Бессильный в бедности хоть прав, да погибает» [Леонтьев, с. 61].

Иными словами, если Лафонтен обличает несправедливый суд, то Леонтьев не сомневается в суде как государственном институте. Трактую мораль обобщенно, вину он возлагает на частных лиц — льстецов и сутяжников, вводящих судей в заблуждение.

В басне **«Разумный и дурак»** [Там же, с. 28–29, **18**] Леонтьев идет дальше: сохраняя сюжет источника, он устраняет мораль. Этим источником является басня Лафонтена «*Un Fou et un Sage*» [La Fontaine, p. 311–312, **XII, 22**]. Ее сюжет восходит к Феду и впоследствии обработан Абстемием [Perry, p. 521, **497**] (см.: [Lévêque, p. 453]). В обеих баснях глупец бьет умного человека, а тот за это неожиданно дает обидчику монету. Это месть: глупец, чтобы получить еще денег, бьет другого человека и за это сам оказывается побит.

Между двумя баснями есть некоторые различия и в сюжете, и в манере рассказа. У Лафонтена умный обращается к глупцу с речью, благодаря его за понесенный труд и указывая на другого прохожего, будто бы готового так же вознаграждать его. У Леонтьева прямой речи нет. У Лафонтена на глупца, выполнившего опасный совет, набрасывается охрана. У Леонтьева мстителем выступает сам второй прохожий.

В завершающей басню морали Лафонтен применяет сюжет к придворной жизни. Он говорит, что подобных глупцов можно встретить рядом с королями. Чтобы позабавить властителя, глупец высмеивает других. Если тот, кто стал жертвой насмешек, не в силах отомстить, он может спровоцировать столкновение насмешника с более сильным противником. (В версии Федра, где обидчика, бросившего камень сначала в Эзопа, а потом во влиятельного человека, казнят, мораль другая: «Успех ведет многих к гибели» [Perry, p. 264].)

Можно предположить, что для Леонтьева мораль французской басни неприемлема по нескольким причинам. Это, во-первых, причина нравственная: басня учит отвечать злом на зло. Во-вторых, что едва ли не опаснее, это причина политическая: басня представляет двор в мрачном свете, бросая тень даже на монарха. Так что отказ от морали в данном случае легко объяснить.

Это решение, однако, меняет восприятие текста. Две характеристики сюжета: найденный персонажем неожиданный выход из неблагоприятного положения и грубо-комический мотив побоев — связывают его с традицией анекдотов и факций. Без морали — важнейшего признака басни² — текст смещается именно в этот жанровый ряд.

Создавая басню «**Стадо голубей**» [Леонтьев, с. 23, 12], Леонтьев заимствует у Лафонтена сюжетную схему, но реализует ее с участием других персонажей. Сюжет басни Леонтьева следующий. Голуби страдают от нападений ястреба. Один из них говорит, что ястреба можно будет победить, если надеть ему на ноги путы; надо лишь выбрать того, кто сможет это сделать. Но ни один голубь не соглашается. Басня осуждает прожектеров, чьи предложения невозможно провести в жизнь.

Образцом Леонтьеву служит басня Лафонтена «*Conseil tenu par les Rats*» [La Fontaine, p. 52–53, II, 2], сюжет которой восходит к Абстемию [Lévêque, p. 424; Rolland, p. 61] (см.: [Perry, p. 545, 613]). В ней мыши собирают совет, чтобы решить, как справиться с котом. Старейшая из них предлагает привязать коту на шею колокольчик, чтобы мыши, услышав его, успевали скрыться. Однако, разумеется, ни одна из мышей не решается привести этот план в исполнение.

Есть у Леонтьева и басня, в которой традиционный сюжет становится базой для нового, с иной моралью. Она открывает сборник. Это басня «**Три царя**» [Леонтьев, с. 1–4, 1]. Она рассказывает об обществе, которое, страдая от раздоров, вызванных анархией, просит Юпитера дать ему царя. Юпитер предлагает выбрать одного из трех царей: Щедроту, Истину или Лютость. Выбор падает сначала на Щедроту. Первое время все довольны новым царем; затем, однако, выясняется, что он равно награждает добрых и злых; из-за этого зло торжествует, оставаясь безнаказанным. Тогда все просят Юпитера дать им другого царя — Лютость, чтобы он искоренял пороки. Но получается иначе: если прежний царь был ко всем милостив, то новый ко всем жесток, прислушивается лишь к лъстецам, и невинные страдают наравне со злодеями. Обессиленные подданные снова идут к Юпитеру, и тот дает им третьего царя — Истину. При нем наступает золотой век: достоинства награждаются, в судах воцаряется справедливость, в обществе господствует взаимное доверие. Басня завершается обращением к императрице:

Спокойство житель всяк в избытке ощущал,
Монарху своему бессмертный век желал
И так его блажил, счастливу зря судьбину,
Как, россы, мы блажим свою Екатерину.

[Леонтьев, с. 4]

Политический смысл текста понятен: это апология царствующей императрицы, которой Леонтьев и посвящает сборник басен. Не случайно именно эта басня занимает сильную позицию в начале сборника, развивая тему посвящения,

² Ставя задачу разграничить басню и смежные жанры, Ф. Уайтселл называет важнейшим свойством басни наличие морали [Whitesell, p. 348].

где Леонтьев, обращаясь к Екатерине II, называет ее «светилом, которое <...> мещет повсюду лучи правосудия, мира, тишины, веселия и спокойствия» [Леонтьев, нумер. стр.].

Интерес к политическим темам характерен для жанра басни в эпоху Просвещения. В баснях находят отражение идеи Ш. Монтескье. Многие поэты обращаются к проблеме справедливости [Pascal, p. 177]. Так что проблематика басни Леонтьева соответствует жанровым тенденциям эпохи.

Между тем сюжет произведения заставляет вспомнить басню Лафонтена с совсем иным финалом — «Les Grenouilles qui demandent un Roi» [La Fontaine, p. 76–77, III, 4]. Этот эзоповский сюжет [Perry, p. 429, 44] сегодня наиболее известен русскому читателю по версии Крылова — «Лягушки, просящие Царя» [Крылов, с. 37–39, II, 1]. У Лафонтена лягушки, которым надоело народовластие, просят Юпитера дать им царя. Тот посылает им мирного правителя — бревно. Поначалу лягушки напуганы, но потом, осознав, что это за царь, просят нового. Тогда Юпитер посылает им журавля. Это жестокий царь: он их ест. Лягушки жалуются Юпитеру в третий раз. Но теперь он отвечает отказом, говоря, что раньше им надо было сохранять свой прежний порядок, а сейчас следует терпеть, опасаясь, как бы не стало еще хуже.

Сопоставление басен Лафонтена и Леонтьева показывает их сюжетное сходство. В обоих случаях общество, поначалу лишённое власти, трижды просит Юпитера дать царя, причем первый царь оказывается мирным, а второй — жестоким. Совпадения, вероятно, не случайны: Леонтьев перерабатывает сюжет предшественника. Но при этом смысл меняется на противоположный.

Исходные ситуации у Лафонтена и Леонтьева похожи внешне, но не по существу. Народовластие, наскучившее лягушкам («Les grenouilles, se lassant / De l'état démocratique» [La Fontaine, p. 76]), Лафонтен изображает, конечно, с иронией, но финал показывает, что для них именно оно было благом. Леонтьев же мрачными красками рисует вред анархии, в духе Гоббса изображая ее как «войну всех против всех»: «Между собой они всегда в раздоре жили <...> Всяк день кровавые ручьи у них текли» [Леонтьев, с. 1]. Для персонажей Леонтьева монархия — единственная надежда на спасение от бедствий раздора.

У Леонтьева, в отличие от Лафонтена, Юпитер дает героям выбор: они сами должны решить, кто из трех царей будет ими править. Это важная деталь: тем самым на общество возлагается ответственность за свою судьбу. И выбор, который оно делает в первый раз, нельзя называть иррациональным: на первый взгляд цель всеобщего благоденствия представляется желательной, лишь затем басня показывает, что она недостижима.

Сцена с правителем-бревном — пример комического мастерства Лафонтена. У Леонтьева же царь Щедрота не смешон: его характеристика преимущественно положительная. Однако, по мысли баснописца, милость ко всем не ведет к общему благу: добро для одних оборачивается злом для других.

Если вторая просьба лягушек у Лафонтена, как и первая, показывает их глупость, то у Леонтьева общество снова проявляет разум, отказываясь от Щедроты: ведь этот правитель, как выясняется, приносит им вред, пусть сам и не желая того.

Однако второй царь у Леонтьева напоминает свой прототип в большей мере, чем первый: как и журавль у Лафонтена, он не только жесток, но — и в русской басне это главное — несправедлив.

Основное же различие между двумя баснями — в финале. Последняя просьба лягушек, хотя на этот раз впервые у нее есть веские основания, остается неудовлетворенной. В басне Леонтьева, напротив, Юпитер прислушивается к третьей просьбе, и с новым царем наступает эпоха справедливости и благополучия.

Характеристика общества в басне «Три царя» далека от лафонтеновской иронии. Лягушки в басне французского поэта, движимые лишь глупостью и страхом, бросаются из крайности в крайность. У Леонтьева же общество учится: дважды сделав неверный выбор и осознав ошибку, оно наконец находит верный путь — золотую середину.

Вслед за Эзопом (см.: [Гаспаров]) Лафонтен пессимистичен: его басня учит довольствоваться тем, что имеешь, так как перемены грозят привести лишь к худшему. Леонтьев, наоборот, разделяет оптимизм просветителей, веря, что наилучшее общественное устройство возможно. Более того, в последней строке басни нарисованная поэтом картина совершенного общества отождествляется с реальностью России при Екатерине II. Такое заключение связывает басню с традицией панегирической оды.

Из сказанного можно сделать вывод, что в сборнике басен Леонтьева реализуются две основные модели рецепции зарубежного источника. Первая, основная, предполагает сохранение его образного ряда и сюжета. Она реализована в баснях «Мужик и его дети», «Осел и лошадь», «Лев, предпринимающий войну», «Звери в моровой язве», «Разумный и дурак». В рамках этой модели возможно варьирование: от точного перевода до изменения некоторых элементов сюжета. Вторая модель встречается реже: она предполагает замену образного ряда. По этой модели созданы басни «Стадо голубей» и «Три царя». Между ними также есть принципиальное различие. В басне «Стадо голубей» сюжет изменен по сравнению с источником — басней «*Conseil tenu par les Rats*», но общий смысл при этом остается тем же. В басне «Три царя» трансформация сюжета сопровождается радикальной реинтерпретацией.

Смысловые сдвиги в большинстве рассмотренных случаев не затрагивают основной идеи басни. При этом в тех изменениях морали, которые все же происходят, можно отметить идеологическую тенденцию. Леонтьев устраняет суждения Лафонтена, которые могут поставить под сомнение авторитет государства: это сомнение в справедливости суда в басне «*Les Animaux malades de la peste*» и критика придворных нравов в басне «*Un Fou et un Sage*». В басне «Звери в моровой язве» вина возлагается на частных лиц; в басне «Разумный и дурак» мораль, где задет король, снимается. Смысл басни «Лев, предпринимающий войну» Леонтьев ограничивает общественным аспектом, интерпретируя сюжет в плане утверждения социальной иерархии.

Наиболее значительны семантические различия между баснями «*Les Grenouilles qui demandent un Roi*» и «Три царя». Их идеи противоположны. Историческому пессимизму Лафонтена Леонтьев противопоставляет оптимизм.

Он верит в справедливое общественное устройство, которое связывает с личностью монарха.

-
- Гаспаров М. Л.* Сюжет и идеология в эзоповских баснях // Вестн. древней истории. 1968. № 3 (105). С. 116–127.
- Заусцинский К.* Басни Сумарокова // Варшавские университетские известия. 1884. № 3, отд. 4. С. 1–32; № 5, отд. 3. С. 33–126.
- Крылов И. А.* Басни / изд. подг. А. П. Могилянский; отв. ред. Ф. Я. Прийма. М.; Л., 1956. 635 с. (Лит. памятники).
- Леонтьев Н.* Басни. СПб., 1766. [8], 67 с.
- Немецкое известие о русских писателях (1768) / сообщил М. Л. Михайлов. М., 1862. 44 с.
- Николаев С. И.* Оригинальность, подражание и плагиат в представлениях русских писателей XVIII века (Очерк проблематики) // XVIII век. Сб. 23. СПб., 2004. С. 3–19.
- Новиков Н. И.* Опыт исторического словаря о российских писателях. СПб., 1772. 264 с.
- Песков А. М.* Буало в русской литературе XVIII — первой трети XIX в. М., 1989. 176 с.
- Серман И. З.* Русский классицизм: Поэзия. Драма. Сатира. Л., 1973. 284 с.
- Степанов В. П.* Леонтьев // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2 (К–П). СПб., 1999. С. 205–207.
- Сумароков А. П.* Избранные произведения / вступ. ст., подгот. текста и примеч. П. Н. Беркова. Л., 1957. 608 с. (Библиотека поэта).
- Grove L.* Emblematics and Seventeenth-Century French Literature: Descartes, Tristan, La Fontaine and Perrault. Charlottesville, 2000. 284 p. (EMF critiques).
- Grove L.* La Fontaine et les emblèmes // Le Fablier. Revue des Amis de Jean de La Fontaine. 2005. № 16: Le musée imaginaire de Jean de La Fontaine. P. 27–38. DOI: 10.3406/lefab.2005.1110
- La Fontaine J.* Œuvres complètes. I. Fables, contes et nouvelles / Préface par E. Pilon et R. Groos; texte établi et annoté par R. Groos (fables) et par J. Schiffrin (contes). [Paris], 1954. XVI, 877 p. (Bibliothèque de la Pléiade. Vol. 10).
- Lévêque E.* Les sources des fables de La Fontaine // Les fables ésoques de Babrios, traduites en totalité pour la première fois, comparées aux fables d'Horace et de Phèdre, de Corrozet et de La Fontaine, avec une étude sur leurs origines et leur iconographie par E. Lévêque. P., 1890. P. 422–454.
- Pascal J.-N.* Les successeurs de La Fontaine au siècle des lumières (1715–1815). N. Y. etc., 1995. XVII, 263 p. (Eighteenth century French intellectual history. Vol. 3).
- Perry B. E., ed.* Babrius and Phaedrus: newly edited and translated into English, together with an historical introduction and a comprehensive survey of Greek and Latin fables in the Aesopic tradition by B. E. Perry. London; Cambridge, Massachusetts, 1965. CII, 634 p. (Loeb Classical Library. Vol. 436).
- Rolland T.* Le destin facétieux des fables, d'Abstemijs à La Fontaine. Croisements génériques et déplacements poétiques (XVe–XVIIe siècles) // Le Fablier. Revue des Amis de Jean de La Fontaine. 2015. № 26: Itinérances de la fable. P. 53–85. DOI 10.3406/lefab.2015.1259
- Whitesell F. R.* Fables in Mediaeval Exempla // The Journal of English and Germanic Philology. 1947. Vol. 46, № 4. P. 348–366.

Статья поступила в редакцию 06.08.2021 г.